

...Это было странно, но в этой странности была какая-то милая нотка.

Юй Цинтан: «???»

Она медленно моргнула, слегка сжав губы, чтобы скрыть улыбку.

Эта улыбка была мимолётной, как цветок, который расцветает лишь на мгновение, но Чэн Чжаньси всё же успела её заметить.

Её раздражение почти исчезло, и она спросила:

— Учительница Юй, есть конфета?

Юй Цинтан: «???»

Где бы она их взяла?

— У тебя же в ящике есть конфеты, — сказала Юй Цинтан. — И шоколад, и закуски. Ты часто угощаешь учеников, которые приходят в офис.

Чэн Чжаньси с серьёзным видом солгала:

— Я не могу их найти. Помоги мне.

Юй Цинтан: «...»

Она решила не обращать внимания на Чэн Чжаньси, которая, как и Тун Фэйфэй прошлой ночью, словно выпила чего-то лишнего, говорила бессмысленные вещи.

Телефон вибрировал.

Юй Цинтан разблокировала экран.

[Чэн Чжаньси]: [Смайлик «Чэн плачет».jpg]

Юй Цинтан: «...»

Где она нашла этот смайлик, так похожий на неё? Неужели она, как богатая наследница, заказала его специально? Это было... слишком скучно.

[Чэн Чжаньси]: [Смайлик «Чэн катается и плачет».gif]

Юй Цинтан: «...»

Чэн Чжаньси отправила несколько смайликов, которые она обычно отправляла своим родителям и брату, чтобы подурочиться. Эти смайлики она нарисовала сама, создав для каждого члена семьи свой набор, обновляя их каждый год в соответствии с их новым образом. Когда они использовали эти смайлики, они чувствовали её любовь. Даже находясь вдали от дома, их сердца оставались связанными.

Юй Цинтан закрыла глаза, тихо вздохнула, сдерживая желание добавить Чэн Чжаньси в чёрный список, и подошла к ней.

— Где конфеты?

Чэн Чжаньси, сложив руки на груди, с беззаботным видом освободила место перед своим столом.

Юй Цинтан, полагаясь на память, открыла первый ящик справа, в котором было полно конфет и закусок.

Она облегчённо вздохнула.

— Какую хочешь?

— Фруктовую.

Юй Цинтан взяла конфету в зелёной обёртке и уже хотела передать её, но Чэн Чжаньси, пользуясь моментом, сказала:

— Я хочу виноградную.

Юй Цинтан, с произвольным терпением в голосе, спросила:

— Фиолетовую?

— Угу.

Получив желаемую конфету, Чэн Чжаньси с благодарностью взяла её, выглядя особенно мило, и, глядя на Юй Цинтан своими яркими глазами, сладко сказала:

— Спасибо, учительница Юй.

Небольшое недовольство в сердце Юй Цинтан рассеялось, как туман под лучами солнца.

Она смотрела на улыбку Чэн Чжаньси и вдруг замерла. Сердце билось медленнее обычного, но с большей силой: раз, и ещё раз.

Юй Цинтан опустила глаза и тихо ответила:

— Не за что.

Просто как благодарность за то, что она так усердно тренировалась с учениками седьмого класса и записывала видео.

Юй Цинтан мысленно сказала себе это.

Чэн Чжаньси развернула обёртку, опустила длинные ресницы и, положив конфету в рот, спросила:

— Учительница Юй, хочешь конфету?

— Нет, спасибо.

— Боишься кариеса? — Чэн Чжаньси не отпускала её. Не дожидаясь ответа, она с пониманием добавила:

— Не любишь?

— ...Угу.

— Может, попробуешь? В жизни много возможностей, как с этими конфетами. Закрой глаза, и никогда не угадаешь, какой вкус будет у следующей. — Чэн Чжаньси взяла её руку и, не глядя, достала конфету из большой упаковки в ящике, подняла бровь:

— Как интересно, зелёная, как та, что я дала тебе в прошлый раз.

В ладони Юй Цинтан оказалась изящно упакованная фруктовая конфета. Она опустила глаза, задумчиво глядя на свою ладонь.

— Похоже, судьба решила, что ты должна съесть эту конфету, — мягко и низко прозвучал голос женщины.

Юй Цинтан посмотрела на Чэн Чжаньси.

Она уже не была тем ребёнком, который просил конфету. Взгляд на неё был глубоким и пронизательным, словно проникал в самую душу.

Юй Цинтан почувствовала смятение, вырвала руку и отступила на шаг. Вновь взглянув, она поняла, что этот момент пронизательности был всего лишь странной иллюзией.

— Я не люблю конфеты, — она старалась скрыть это, в её голосе была едва уловимая тревога. Она сопротивлялась любым возможностям и оставила конфету на столе Чэн Чжаньси.

Чэн Чжаньси долго смотрела на конфету; в её глазах мелькнула тень сожаления, и она снова положила её в ящик.

Юй Цинтан открыла крышку термоса, чтобы попить воды, но обнаружила, что он пуст. Она поставила его и вышла в коридор, чтобы подышать свежим воздухом.

Затем она заглянула в седьмой класс, и волнение в её сердце постепенно утихло, не оставив и следа.

Когда она вернулась в офис, Чэн Чжаньси не было на своём месте. Она сидела на краю деревянного стола, одна нога легко касалась пола, а другая болталась в воздухе, слегка покачиваясь, пока она болтала с учителями о звёздных сплетнях.

Юй Цинтан прошла мимо, и Чэн Чжаньси, как обычно, улыбнулась и поздоровалась, продолжая разговор:

— Это неправда, в прошлый раз это опровергли.

Учительница биологии сказала:

— Правда? Я чуть не разочаровалась в ней, думала, что у неё проблемы с характером, хотела перестать быть фанаткой.

Чэн Чжаньси нашла в интернете опровержение и показала учительнице.

Та, прочитав, обрадовалась:

— Ой, спасибо тебе, маленькая Чэн! Теперь я снова могу. Вы, молодёжь, хорошо разбираетесь в интернете.

— Где там.

Юй Цинтан холодно наблюдала за этим, всё больше убеждаясь, что её предыдущее ощущение было просто иллюзией.

Она закончила проверять последние работы и забыла об этом эпизоде.

До обеда оставалось немного времени, и Юй Цинтан включила компьютер, открыв сайт художественного музея Сычэна.

На главной странице была большая реклама — выставка художника Чэн Мо, которая проходила с середины августа и продлится два месяца. Приглашались все желающие, также были представлены несколько самых известных работ, включая новые произведения, которые выставлялись впервые.

Мать Юй Цинтан, Юй Цы, была художницей, но её мастерская была заперта Вэй Тинъюем, и только он мог туда входить. Он также не давал ей никакого художественного воспитания или обучения. Когда он видел, как она рисует ветками на земле в саду или вырезает что-то камнями, он быстро подходил к ней, его красивое лицо искажалось от гнева, он грубо выбрасывал ветки и камни и приказывал слугам увести её.

Все в семье Вэй слушались Вэй Тинъюя, и как только она проявляла малейший интерес к рисованию, её «кисти» безжалостно отбирали и выбрасывали.

Он не позволял ей быть хоть сколько-нибудь похожей на Юй Цы. Никто не мог заменить её, и даже её собственная дочь не могла стать второй ею.

Из-за этого в детстве Юй Цинтан не имела никакого контакта с живописью, и даже когда она переехала в Сычэн, и её бабушка с дедушкой хотели, чтобы она училась рисовать, как её мать, она выражала сильное сопротивление.

Но отсутствие матери всё равно заставляло её инстинктивно обращать внимание на всё, связанное с живописью. Она могла задерживаться в художественном отделе библиотеки, бесцельно бродить среди книг, но не брать ни одной. Она могла иногда посещать выставки, но не следила за расписанием и не интересовалась конкретными художниками.

Она думала, что Вэнь Чжихань, возможно, не знала, что она ничего не понимает в живописи и не умеет ценить искусство. Никакие высокие техники или выражения художников ей не были понятны.

Ха, она не разбиралась в искусстве.

Будучи дочерью талантливой художницы, она даже не имела базового художественного вкуса. Как это смешно.

Пальцы Юй Цинтан на термосе побелели, но через мгновение она расслабила их и перевела взгляд на имя «Чэн Мо», вспомнив: кажется, у них дома была картина «Снежная буря», написанная ею.

Ей действительно хотелось посмотреть выставку Чэн Мо, но она планировала пойти туда одна, а не по приглашению Вэнь Чжихань.

Вэнь Чжихань была другой. Она продолжала учёбу за границей, и даже преподавая в Сычэне, она не бросала свои исследования в области физики, ежедневно читая последние научные статьи, поддерживая связь с местным университетом и используя их лаборатории. Она была

занята до поздней ночи, иногда даже спала в лаборатории, не переодеваясь, и шла прямо на уроки.

Они были из разных миров. Даже если бы Юй Цинтан нравилась она, она бы не стала с ней.

Она не должна была тратить на неё больше времени.

<http://bllate.org/book/16859/1552720>